

АРХЕОЛОГИЯ ЗОДЧЕСТВА

И.О. Попов

КНЯЖЕСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

I.O. Popov. Residences of Knyaz in pre-Mongol Russia: chronicles and archaeological reality.

Making a synthesis of written records, illustrations and archaeological evidence, the author of this article distinguishes five groups of features in the residential complex of Russian Knyaz in the pre-Mongol period.

The first group unites features of representative nature meant for Knyaz's ceremonies, receptions and feasts. A stone or wooden *terem* was an architectural dominant of a Knyaz's court and represented a tower-like building with golden tent-like top. Remains of monumental stone features were found in Chernigov, Polotsk, Grodno and Bogolyubov; wooden ones – in Novgorod, Staraya Ryazani, Vzhich and Lyubech. Knyaz *gridnitsa* represented a large (possible two-storey) building with a vast throne hall and many windows. It seems that all Kiev palaces, as well as buildings in Peremyshl', Zvenigorod, Kholm are all stone *gridnitsas*. Traces of wooden *gridnitsas* were found in Novgorod, Lyubech and Belgorod. A porch – *seni* – was a large light unheated premise built on pillars. All the listed types of buildings had a typically rich interior and decorated with luxurious utensils.

The second group of buildings – dwelling proper of Knyaz's residence – "*khoromy*", which make a whole complex of buildings. *Khорomy* could comprise heated *izbas* (houses), cold *gornitsas-povalushi* (rooms), small sleeping rooms – "*lozhnitsas*", poly-functional "*kleti*" (storeroom), baths – "*istopki*", luxurious "*polati*", prisons – "*poruby*".

The third group of buildings of Knyaz's court included household constructions (various storerooms, cellars, granaries).

The fourth group of buildings was of military and defence use; it seems that it was represented by buildings of tower-like type.

The fifth group of features in a Knyaz's residence included court temples.

Летопись — важнейший источник для изучения древнерусской истории. В теме настоящей статьи это особенно важно: малочисленность археологических материалов заставляет с большим вниманием относиться ко всем летописным известиям, связанным с постройками «княжьего двора». Основная цель данной работы — рассмотреть летописные упоминания, связываемые с княжескими резиденциями, и попытаться соотнести их с археологическими материалами, имеющимися на сегодняшний день. В качестве дополнительного материала привлечены некоторые миниатюры и иллюстрации, помня, конечно, о специфике подобного рода источников. При этом, предпринята попытка классифицировать постройки княжеского двора, учитывая специфику каждой из групп.

Начать рассмотрение стоит с **терема**.

Он впервые упомянут летописью под 945 г., в рассказе о мести княгини Ольги древлянам: «Над горою был теремной двор — был там ка-

менный терем» (Лавр. лет.: 945 г.). Особо следует отметить, что этот «терем» — единственное каменное здание, упоминаемое летописью в языческой Руси. Откуда появились на Руси традиции каменного строительства до принятия христианства, сказать пока невозможно.

В этом же тереме сидит княгиня Ольга в ожидании древлянских послов, которых несут в ладье, чтобы сбросить в яму, выкопанную «на дворе теремном вне града». Видимо, именно этот терем изображен на миниатюре Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи (рис. 1). В том же тереме (по мнению М.К.Каргера) князь Владимир принимал Ярополка, которого тут же в дверях два варяга «подъяста мечьми под пазусе» (Лавр. лет.: 980 г.).

Что же представлял из себя этот «терем»? Сначала стоит остановиться на этимологии этого слова. М.К. Каргер в своей монографии, посвященной древнему Киеву (Каргер 1961), выделяет две основные точки зрения:

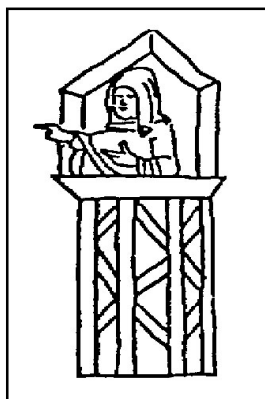

Рис. 1. «Терем княгини Ольги» (Радзивилловская летопись)

Рис. 2. «Терем» (Радзивилловская летопись)

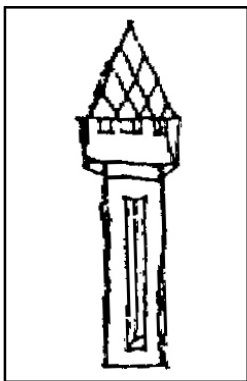

Рис. 3. «Терем» (Радзивилловская летопись)

Рис. 4. «Терем» (Радзивилловская летопись)

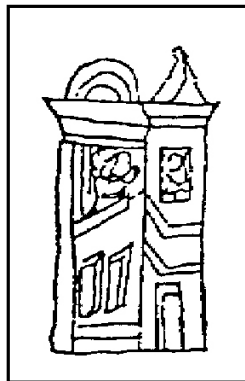

Рис. 5. «Терем» (Радзивилловская летопись)

Рис. 6. «Терем» (Радзивилловская летопись)

— «терем» — византийского происхождения (точка зрения Ф. Миклошича, Л. Нидерле) — от греческого *teremnon*;

— «терем» — общеславянского происхождения (точка зрения Г. Ильинского): общеславянская основа этого слова — болгарское *тръемъ*, сербское *тријем*, польское *trzem*, словенское *trem*, восходящие в своей основе к индоевропейскому корню *tereb* — «дом» (Ильинский 1909: 370-373).

Несколько особняком стоит мнение К.А.Иностранцева, который сближает славянский *терем* с распространенным на мусульманском Востоке *таримом* (легкая каркасная постройка тип балдахина), связующим звеном между которыми исследователь считает византийский *теремнов* (Иностранцев 1913: 37-38).

Если обратиться к миниатюре Кенигсбергской летописи, то можно сказать, что Ольга изображена сидящей в верхней части высокой башни с шатровым верхом (рис. 1). И.Д. Мансветов, изучая миниатюры тверской рукописи Георгия Амартола, пришел к выводу, что словом «терем» называлось помещение в верхнем этаже дома, устроенное в виде столпа или башни с шатровым верхом (Каргер 1961: 79). Однако, привлекая летописные миниатюры, следует отметить их особенность как исторического источника, показанную О.И.Подобедовой: миниатюры, иллюстрирующие ранние летописные тексты в соответствии с лаконичной погодной записью, воспроизводят ее содержание в наиболее краткой форме, прибегая к приему передачи общего через частное или целого через часть (Подобедова 1961: 8). Исследовательница даже выделяет особую группу изображений, касающихся именно архитектуры. «Мастер-миниатюрист стремится ввести конкретное историческое событие в определенное пространство, вводя действие в овал или многоугольник крепостных стен. Художник применяет ряд приемов, характерных для таких изображений: помещает на фасаде здания те предметы, которые должны находиться внутри; охватывает всех участников

событий грандиозной палатой, дверные и оконные проемы которой превращаются в арки, описанные над и вокруг человеческих фигур; иногда позади толпы показывает заднюю стенку помещения или выносит вперед столпы, поддерживающие перекрытия» (Подобедова 1961: 22). Все изображения архитектуры делятся на три группы:

— реально наблюдаемые формы архитектурных сооружений;

— архитектурные формы, близкие эллинистической или византийской миниатюре;

— изображения, впитывающие в себя, помимо эллинистических и византийских, источники собственно русские — древнейшие лицевые жития и своды летописей (Подобедова 1961: 23).

Изучая миниатюры хроники Георгия Амартола и Радзивилловской летописи, О.И.Подобедова отметила, что довольно часто эти три группы взаимно сочетаются и разделить их крайне сложно. Как мы видим, миниатюры — очень специфический источник и делать на их основе собственно архитектурные реконструкции — крайне сложно. Исходя из этого, изображения летописей и хроник будут использоваться в качестве дополнительного материала при работе с более конкретными археологическими или летописными источниками.

Возвращаясь к реконструкции облика «терема», следует отметить, что исходя из контекста летописных сообщений, терем является доминирующей постройкой княжеского двора, т.к. сам двор называется «теремным». Ю.П.Спегальский считал, что терем представлял собой отдельное самостоятельное здание, связанное с другими хороминами князя переходами, причем он был единственной каменной постройкой на княжеском дворе (Спегальский 1972: 249).

Мнения о том, что терем был отдельным зданием придерживался и Н.В.Холостенко (Холостенко 1963: 15-16).

Необходимо помнить, что златоверхие терема — обычное место действия былин киевского цикла. Однако, как отмечал С.К.Шамбинаго, ис-

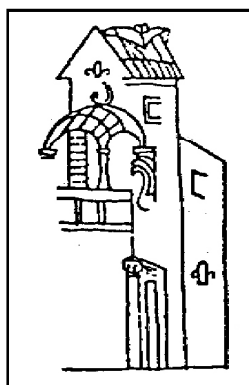

Рис. 7. «Терем» (Радзивилловская летопись)

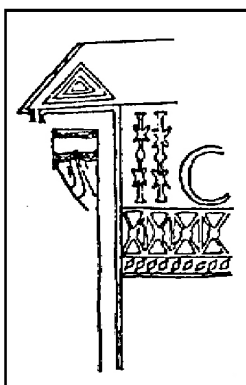

Рис. 8. Фреска Киевского Софийского собора.

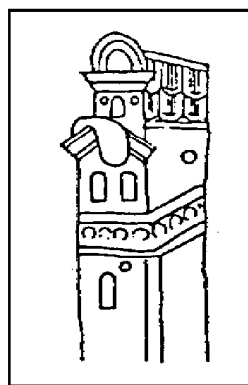

Рис. 9. «Терем» (Радзивилловская летопись)

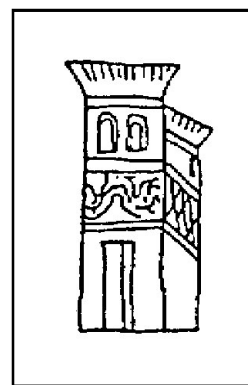

Рис. 10. Хроника Георгия Амартола

пользовать былинные описания для реконструкции архитектурного облика теремов практически невозможно, т.к. они отражают более поздний, московский этап строительства (Шамбинаго 1900: 129-149). По самому характеру фольклорного произведения, передаваемому из уст в уста, былины представляют собой сложный источник, в создании которого кроме автора первоначального текста, принимали участие и все последующие исполнители, жившие в разные эпохи на разных территориях. Каждый из них по-своему воспринимал как содержание былины в целом, так и художественные подробности, снабжая ее новыми, более близкими его времени деталями. Не только основной сюжет, но и многие детали первоначального текста сохранялись при этом с глубокой древности, но приукрашивались деталями, иногда совершенно чуждыми древнему тексту (Рабинович 1978: 76-80). И хотя Б.А. Рыбаков считает возможным выделять «древнейший» пласт в былинах, и даже делает на их основе разнообразные реконструкции (Рыбаков 1963: 4-180), источниковедческая база такого исследования довольно слабая, а сами реконструкции — крайне спорные¹. Исходя из этого, имеет смысл привлекать былины, как и миниатюры, в качестве дополнительного, а не самостоятельного источника. В качестве примера путаницы и смешения терминов в былинах можно привести былину о боярине Ставре, где одно и то же помещение названо «гридней», «палатой белокаменной», «хоромами» и «дворцом» (Липец 1969: 167). Однако факт «покрытия златом» теремов во всех былинах говорит о том, что терем являлся доминантой княжеской резиденции, возвышавшейся над остальными постройками. Исходя из того, что терем был каменным, многие исследователи (Ю.П. Спегальский, Н.В. Холостенко, П.А. Раппопорт и др.) считали, что он служил не для жилья, а только как нарядное помещение. И действительно,

¹ Благодарю за консультацию к. фил. наук А.А. Панченко.

обеспечить в условиях древней Руси те же удобства в каменных помещениях, что и в деревянных, было практически невозможно (Раппопорт 1975: 115-116). В подтверждение монументальности терема говорит и сообщение «Слова о князьях» — произведения неизвестного автора XII-XIII вв., где говорится о смерти черниговского князя Давида Святославича (ум. в 1123 г.): «... единого расседся верх теремця, и вси ужосошася, и взлете голубь бел, и седе ему на грудех: и князь душу испустил». Именно выражение «расседся верх теремця» указывает, по мнению В.А. Богусевича и Н.В. Холостенко, на то, что терем был построен из камня (Богусевич, Холостенко 1952: 33).

О высоте терема и его доминирующем значении в ансамбле княжеской резиденции говорится в хронике Георгия Амартола, относящейся к XIII в.: «Обрете дом, яко терем высок» (Срезневский 1912: 952). Подтверждают башнеобразность терема и многочисленные изображения Радзивилловской летописи, хроники Георгия Амартола и некоторых других источников (рис. 9, 10). Это вполне согласуется с выводами, что терем был «златоверхий» — украшать позолотой навершие крыши имело смысл лишь у высокой постройки, видной издали (Спегальский 1982: 251). Важнейшим доказательством этого служит найденная при раскопках в Новгороде модель из дерева, датирующаяся второй половиной XI в. (рис. 11а) (Колчин 1971: 29). На основании пазов между первыми и вторыми ярусами Ю.П. Спегальский предлагает реконструкцию, правда, довольно гипотетичную, где терем соединен переходами с другими частями ансамбля (рис. 11б).

Завершение терема, скорее всего, было шатровым. Об этом говорит описание в «Путешествии Антония в Царьград» — «теремом великим» именуется купол храма (Иностранцев 1913: 36).

Вошедший в церковную архитектуру термин «терем» был перенесен и на лестничные башни — «столпы всходные» (Воронин 1961: 250). Уже в 1902 г. А.А. Потапов писал, что «... у многих древних церквей существовали ранее баш-

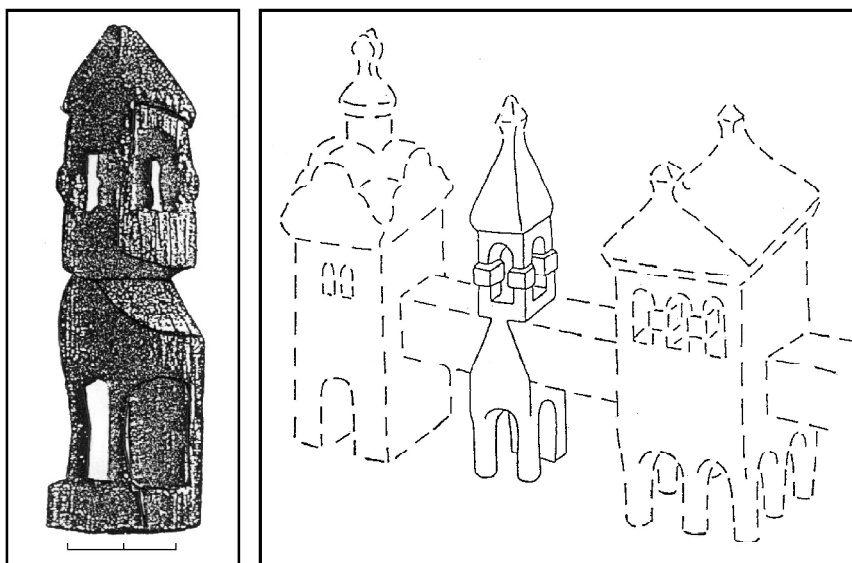

Рис. 11. «Терем» из раскопок в Новгороде и реконструкция «дворцового комплекса» Ю.П. Спегальского.

ни-терема, впоследствии отломанные» (Потапов 1902: 40-41). Таким образом сходство внешнего вида этих построек привело к некоторой путанице. Так, Н.Н.Воронин при анализе Боголюбовского ансамбля писал: «... изобразительный комментарий к описанным палочниками сооружениям типа теремцов-кивorieв дают памятники древнерусской живописи и миниатюры» (Воронин 1961: 255). Здесь теремом называют киворий. Так они называются и в комментариях к миниатюрам славянской Хлудовской псалтири второй половины XIII в., изображающей шатровые кивории. Основанием к этому послужила, видимо, схожая архитектура этих зданий: они представляли из себя достаточно высокую башнеобразную постройку с шатровым верхом. Однако, если «терем» мог быть и деревянным, включенным в состав и боярских усадеб (Новгород, Рязань, Вщиж), то лестничная башня, пристроенная к храму, должна была быть только монументальной. В более позднее время, когда исчезла традиция сооружать «всходящие столпы» и вход на хоры стали сооружать в лестничной башне внутри самого храма, терем стал чисто гражданской постройкой. Хотя не исключен и вариант, когда в едином комплексе княжеской резиденции терем иногда являлся одновременно и лестничной башней (например, в Боголюбове), связующими звеньями между дворцом и дворцовым собором, и, таким образом совмещал функции собственно терема и лестничной башни. Еще позже, к XIV в., теремами начинают называть навесы для водосвятия, напостольные сени и вообще многие всякие постройки в составе усадьбы.

Однако на X-XII вв., на основе дошедших до нас материалов, можно реконструировать терем, как высокую, башнеобразную (до трех этажей, по Н.В. Холостенко) постройку светского назначения, с купольным шатровым навершием, покрытым позолотой; это здание явля-

лось доминантой княжеской резиденции и было соединено переходами с другими частями дворцового комплекса. Опираясь на это определение, можно выделить следующие археологические признаки терема: достаточно небольшое сооружение, состоящее из одной (или нескольких небольших) камер, прямоугольное или квадратное (круглое сооружение следует назвать башней или ротондой — Иоаннисян 1994: 100-148) с достаточно богатой отделкой, находящееся на территории княжеского двора. Причем эти терема могут быть и деревянными. На сегодняшний день можно назвать терема в следующих пунктах:

- монументальные: постройки в Чернигове, Смоленске, Полоцке, Гродно и Боголюбове;
- деревянные: в Новгороде, Старой Рязани, Вщиже, Любече.

Наиболее широкое распространение деревянные терема получили в Новгороде. Г.В. Борисевич, посвятивший им отдельные работы (Борисевич 1982: 269-295), показал, что уже в XI в. в Новгороде выработался специальный тип усадьбы с возвышающимся над остальными постройками теремом (рис. 12).

Как мы видим, здесь терем получил более широкое распространение, и он отнюдь не являлся привилегией князя. Это, по-видимому, связано как с особым развитием новгородского строительства, так и со спецификой его политического устройства — феодальная республика. Логично предположить, что княжеская резиденция на Рюриковом Городище по своей планировке мало чем отличается от богатых усадеб Новгорода, например, знаменитой усадьбы начала XII в., т.н. «хоромы феодала» (Засурцев 1967: 111-112).

Монументальные же терема были, видимо, обязательной принадлежностью лишь княжеских резиденций, да и то далеко не всегда. По своей структуре и топографии Полоцкий, Черниговский и Смоленский терема достаточно похожи. Лишь размерами, да и то не намного

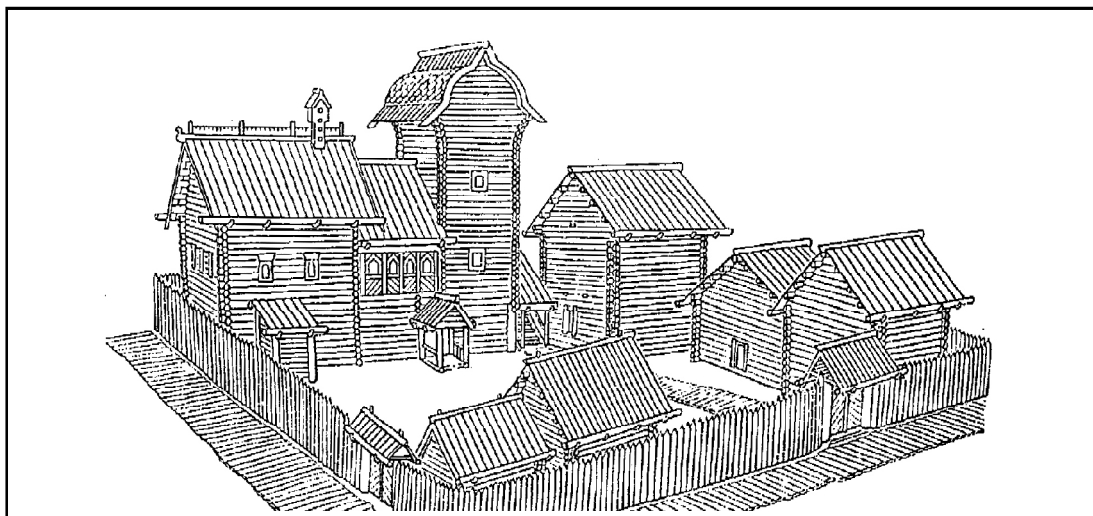

Рис. 12. Хоромы с «теремом» Олисея Гречина, конец XII века. (По Г.В.Борисевичу)

отличается от них Гродненский. Скорее всего, это обусловлено специфичностью терема — он должен был доминировать над остальным ансамблем. Его место в структуре дворцового комплекса тоже определено довольно точно — терем располагается в детинце, неподалеку от дворцовой церкви, стоит на краю берегового обрыва, соединен переходом с остальными частями ансамбля. Однако, следует признать, что все же определяющим в данном случае является не материал, из которого создан терем, а его функции и общий облик. В древней Руси терема были как каменные, так и деревянные, но чисто функционально они выполняли во многом одни и те же задачи.

Второй, не менее важный термин летописи, **гридница**.

В самом конце X в. гридница первый раз упоминается Летописью в рассказе о пирах князя Владимира: «... по вся неделя устави на дворе в гриднице пир творити и гридем, и съсьским, десятицким, и нарочитым мужем при князи и без князя» (Лавр. лет.: 996 г.). Как отмечал М.К. Каргер, уже из этого первого упоминания следует, что гридница представляет из себя парадное зальное помещение огромных размеров, служившее, по-видимому, только для торжественных приемов (Каргер 1961: 79).

Во второй раз летописец упоминает гридницу под 1097 г.: князь Василько Ростиславич Теробовльский, прибывший «в мале дружине» на киевский княжеский двор, был встречен там Святополком «и идоша в гридницу и прииде Давид и седоша в истобце» (Ипат. лет.: 1097 г.).

В XII-XIII вв. Гридница упоминается несколько раз с совершенно новыми функциями — как место заключения знатных узников.

— В «Слове о полку Игореве» гридница киевского князя Святослава — в ней оказывается половецкий хан Кобяк — «и падеся Кобяк в граде Киеве в гриднице Святослава» («Слово о полку Игореве»: 18).

— В 1216 г., по известию Новгородской I летописи «Ярослав выбег в Переяславль, повеле выметати в погреб, что есть новгородць, а иных в гридницу» (НПЛ: 1216 г.).

— В 1223 г. в НПЛ: «Изъима пльсковцы и посади я на Городищи в гриднице» (НПЛ: 1223 г.).

Крайне важно для реконструкции облика гридниц сообщение Ибн-Фадлана, относящееся к 20-м годам X в.: передавая сведения о князе русов, Ибн-Фадлан писал, что во дворце с князем находятся 400 человек из храбрых соподвижников его и верных ему людей. Эти 400 человек сидят под его престолом; престол же велик и украшен драгоценными камнями... Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает он на престол» (Гаркави 1870: 101). Вряд ли стоит сомневаться, что речь идет о гриднице.

Сам термин «гридница» — один из наиболее архаичных и значимых элементов архаической традиции в русском эпосе. Слова, аналогичные по звучанию и семантике древнерусской «гриднице», имеются в ряде славянских и литто-литовских языков (польское *grudnia*, литовское *grinica* — Срезневский 1912: 36). Это позволило Р.С.Липец предположить общеславянскую основу этого слова (Липец 1969: 155). Другая группа исследователей относит слово «гридница» к скандинавским заимствованиям (от древнескандинавского *gred* — меч и *grid* — дом). Однако следует заметить, что собственно в древнескандинавских сагах для обозначения дворца короля или ярла применялось слово *holl*, а жилая часть дворца называлась *skali*, *eldhus* (Глазырина 1996: 102). К тому же, учитывая высокую мобильность варяжских военных контингентов на Руси, вряд ли можно допустить, что из их субкультуры в древнерусскую перешло обозначение монументальной парадной постройки. В то же время, наличие уже в санскрите слова *grīha*, означающего «дом» с

Рис. 13. «Гридница» (Радзивилловская летопись)

Рис. 14. «Гридница» (Радзивилловская летопись)

различными производными показывает, что для выяснения истоков этого термина необходимо спуститься в более древние, чем средневековые, исторические слои (Липец 1969: 155).

Для расшифровки понятия «гридница», конечно, нужно учитывать семантику слов «гридин» и «гридень», собирательное «гридба», в основном воин, дружинник.

Неоднозначно определение гридницы и в работах историков разных времен: Н.М. Карамзин считал ее «прихожей дворца князя Владимира»; С.М. Соловьев — «комнатой между другими покаями дворца для пиров и советов»; И.Е. Забелин — «обширной клетью в составе княжого двора»; Б.А. Рыбаков — «общественным зданием, и канцелярией, и местом для собраний»; Ф. Горностаев — «обширными сенями, родом приемной»; Н.Е. Онучков — «комнатой для собрания дружины»; С.К. Шамбинаго — «приемной палатой в княжеских палатах» (Липец 1969: 162-164).

Из многочисленных упоминаний «белодубовых гридниц» в различных былинах (былина о Ставре, Чурине и госте Терентьище, об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче и др.) можно заключить, что гридница представляла собой отдельное, достаточно большое здание на княжеском дворе. В большинстве случаев в былинах гридница упоминается во дворе у князя Владимира, реже — у князя черниговского, иноземных королей (Ляхоминского, Василия Окулевича и др.), у различных бояр (Ставра, Чурилы и др.). Гридниц, принадлежавших городской общине, по былинам не известно (Липец 1969: 153-154). Видимо, именно гридницами

следует считать изображения Радзивилловской летописи, иллюстрирующей советы в Киеве (рис. 13-14), а также миниатюры из рукописи Иоанна Скилицы, изображающей свидание князя Святослава с Иоанном Цимисхием (рис. 15).

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что под гридницей в X-XIII вв. подразумевалось большое здание на территории княжеской резиденции с огромным тронным залом, большим количеством окон, возможно, двухэтажное, с богатым интерьером, чаще всего монументальное. По-видимому, именно гридницами следует считать все Киевские дворцы (Каргер 1961: 82), возможно, постройки в Перемышле, Звенигороде и Холме. Не менее богатые гридницы, но из дерева существовали в Любече, Белгороде, Новгороде (Рыбаков 1964: 23; Полонской 1911: 234; Засурцев 1967: 28-30). Однако высказывалось мнение, что руины построек у Десятинной церкви могли быть уже не собственно гридницами, а «дворцовыми зданиями переходного типа от гридниц к характерному трехчленному комплексу феодальных хором» (Воронин 1958: 222). На основании археологических и летописных данных можно попытаться реконструировать внешний облик и интерьер гридницы (рис. 16).

Архитектурный облик гридниц и их назначение позволяют, по мнению М.К. Каргера, усматривать в этом типе построек княжеского двора отпечаток патриархальной старины и военной демократии (Каргер 1961: 82). Такого же мнения придерживается и Ю.П. Спегальский (Спегальский 1982: 256-258).

В более позднее время, в XIV-XV вв., гридни-

Рис. 15. «Гридница» («Хроники» Георгия Амартола)

цами называли большие общественные помещения, предназначенные для сходов и братчин.

Важно, что гридница была не собственно жилым помещением, а «определенным типом дворцового здания — отдельной постройкой, не связанной собственно с жилым дворцом» (Воронин 1958: 221). И действительно, ни в одном из археологически зафиксированных случаях обнаружения «гридниц», остатков печей для отопления жилого помещения (без которых в X–XII вв. нельзя представить жизнь в каменном здании) не было зафиксировано. Хотя, возможно, гридница была соединена переходами с другими зданиями княжеского двора.

Функции гридниц, по мнению Н.Н. Воронина, наследуют **сени** — еще один летописный термин.

Первый раз наряду с гридницами они упоминаются в конце X в.: в рассказе об убийстве толпой язычников варяга-христианина в Киеве говорится, что варяг с сыном «стоя на сенях», а в ответ на отказ варяга отдать сына в жертву языческим богам, киевляне «посекоша сени под нима и тако побиша я» (Лавр. лет.: 983 г.).

Во второй половине XI и XII вв. сени, как важнейшая часть княжеского дворца, упоминаются еще несколько раз:

— во время восстания в Киеве в 1058 г.: киевляне ворвались на княжий двор, а князь Изяслав «сидящу на сенех с дружиною своею»; затем князь вел переговоры толпой «из оконця зрящу» (Лавр. лет.: 1058 г.);

— в рассказе об убийстве Итларя в Переяславле: «Итларяви в ту ночь лежашу на синице у Ратибора» (Ипат. лет.: 1095 г.);

— в сообщении о прибытии князя Василько Ростиславича «в мале дружине» на княжий двор в Киеве упоминаются «сене» (Лавр. лет.: 1112 г.).

Два наиболее важных упоминания о сенях, позволяющих определить их место и значение в составе княжеских резиденций, находятся в описании убийства князя Андрея Боголюбского в 1174 г. и в рассказе о приеме киевского посла князем Владимиром Галицким в 1152 г.

В них сообщается:

Под 1174 г. (по Ипат. лет. «Повести об убийстве Андрея Боголюбского»):

— «... И идуще им [убийцам] к ложнице его [кн. Андрея] и приея е страх и трепет, и бежаша с сеней, шедше в медушу и пиша вино ... и тако, упившеся вином, поидоша на сени... [Израженный князь Андрей] во торопе выскочив по них ... иде под сени... и рече один [из заговорщиков]: «Стоя, видех яко князя идуща с сеней долов [т.е. с сеней вниз] ... и сидящу ему [Андрею] за столпом восточным [где он был добит...] и оттуда идоша [убийцы] на сени и вынимаша золото, и камень дорогое, и жемчуг, и всяко узорочье, и до всего любимого имения...»;

— «[Заговорщики] придоша иде те бе блаженный князь лежа в ложнице [перед тем] силою отложиша двери у сений... он же [князь] подбежа под сени ... налезоша и под сеньми лежаща...»;

— «... И пришед [заговорщики] по двору [т.е. по дворцу] княжю, избиша сторожи дворные... и пришед к сени силою двери выломиша и пришедше к ложнице его ... князь же во торопе вскочив на них... и иде под сени. И рече един: «Видех, яко князя идуща с сеней долов»... и наидоша [его] по крови, сидяща за столом восточным и ту приконча его. Во утрии же найдоша князя лежаща мертвым под сеньми».

Под 1152 г. (по Ипат. лет.):

— «... И яко же съеха Петр с княжи двора и Володимер поиди к божнице святому Спасу на вечерню, и якоже бы на переходех до божницы и ту види Петра едуща и поругася ему...»; когда Владимир возвращался из церкви, то «на том месте, на степени, идеж поругася [Петрови], с ним случился удар. Князя перенесли «в горенку» и послали вернуть изяславова посла. «И ту снидоша ему с сеней слугы княжи вси в черных мятлих и видив се Петр и подивися: «Что се есть?». И яже взиде он на сени, и види Ярослава сидяща на отним месте в черни мятли и клобуце.»

Исходя из анализа этих сообщений, Н.Н. Во-

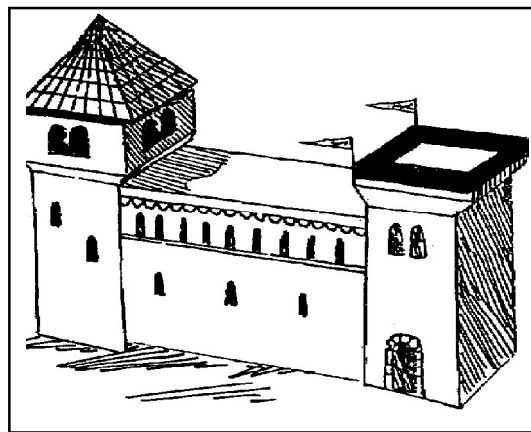
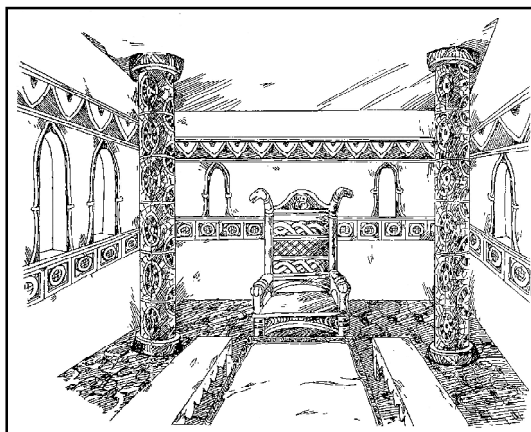

Рис. 16. Внешний вид и интерьер «гридницы». (Реконструкция автора. По археологическим и летописным данным.)

ронин и О.М.Иоаннисян предложили, соответственно, реконструкции структуры дворца в Боголюбове и в Галиче (Воронин 1961: 247-249; Иоаннисян 1982: 82-85).

Не вызывает сомнений, что сени находились на втором этаже дворцового комплекса, куда вела лестница (Каргер 1961: 84; Воронин 1961: 247-248; Спегальский 1972: 238-241). Исходя из контекста летописных сообщений, где дважды встречается выражение «подсечь сени», а также «под сени», можно точно сказать, что сени опирались на какие-то опорные столбы. Именно так они изображены на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ об убийстве варягов (рис.17).

Н.Н.Воронин считал сенями второй этаж лестничной башни в Боголюбове (Воронин 1961: 247). Возражая ему, Ю.П.Спегальский писал: «сени были богатейшим образом украшены и обставлены драгоценной утварью. Невозможно представить себе, что все это богатство украшало тесные, отнюдь не парадные помещения, лестницы и переходы, а также ясно, что сени являлись большим импозантным помещением, а не закоулком в лестничной башне» (Спегальский 1972: 243). Помимо этого, исследователь отмечал, что лестничная башня, сохранившаяся до наших дней, сопоставима с «столпом восточным» и летописец четко разделял его и «сени».

Существенно подчеркнуть, что в древнерусском деревянном строительстве сени занимали срединное положение между двумя клетями, так же как они были средней частью трехчленной русской избы, где по сторонам сеней располагались теплая изба и холодная клеть, служившая кладовой и «чистой» парадной половиной дома для приема гостей (Воронин 1961: 248).

Ю.П.Спегальский, изучавший богатые жилища Новгорода, реконструирует сени как отдельно стоящее помещение, на опорных столбах, с двухскатной крышей и открытым вторым этажом

(рис. 18). Исходя из того, что сени всегда были соединены переходами с другими частями резиденции, с такой реконструкцией согласиться довольно сложно. Да и сам исследователь признавал, что «далеко не всегда в домонгольской Руси сени устраивались таким образом».

Наиболее вероятно реконструкция сеней, как обширного, холодного и светлого помещения, достаточно прочного и надежного, предназначенного для приема гостей в торжественных случаях. Можно думать, что имела тенденция к сокращению площади сеней. Для больших совещаний могли использовать теперь хоры дворцового собора (об этом говорят описания 1174 и 1152 гг.). Сени же служили местом собрания избранной части дружины и бояр (Каргер 1961: 240). В тех случаях, когда сени были обширны, как, например, во дворце в Белгороде, они назывались «сеницей» по аналогии с «гридницей» (Воронин 1961: 249).

Вообще необходимо отметить, что некоторые исследователи идентифицируют сени с гридницей (В.Ф.Ржига, Л.Нидерле, М.Н.Тихомиров). Об ошибочности такого подхода писала О.И.Подобедова: «в былинах, — отмечала исследовательница, — «гридница» и «сени» никогда не подменяют друг друга». И летописец тоже не путает эти термины: так в рассказе Ипатьевской летописи 1097 г. о князе Василько Тербовльском есть упоминание, что Святополк, вышедший «из гридницы» под предлогом распорядиться о завтраке, «стоит на сенях» (Ипат. лет.: 1097 г.). Таким образом мы видим, что гридница и сени — различные помещения, хотя и соединенные между собой переходами.

Многие исследователи, начиная с времен И.Е.Забелина, придерживались мнения, что сени занимали промежуточное место между жилыми помещениями, соединяя их между собой, как и в хоромы XVI-XVII вв. Н.Н. Воронин даже предполагал, что «княжеские хоромы по композиции основных помещений являлись по-

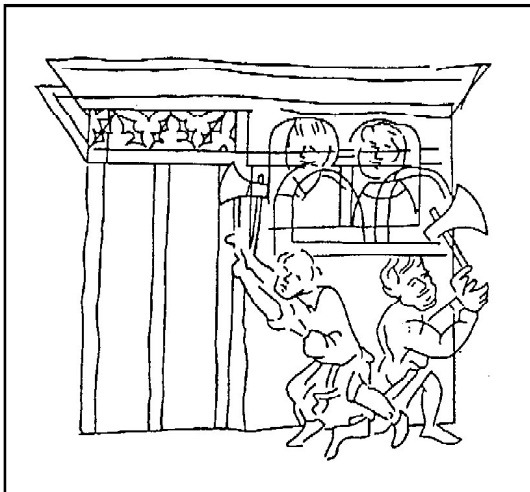

Рис. 17. «Сени варяга». (Радзивилловская летопись)

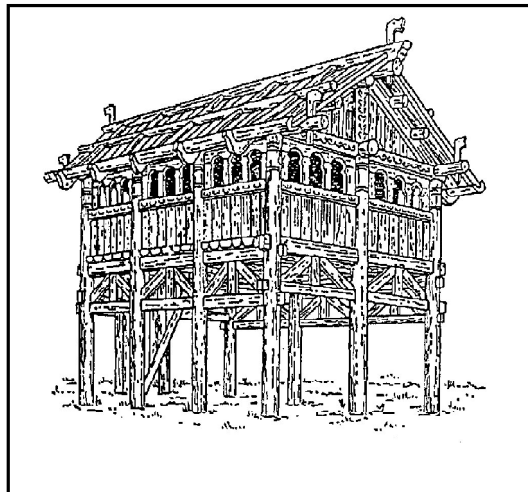

Рис. 18. «Сени в Новгороде» (Реконструкция Ю.П.Спегальского)

вторением крестьянской избы-шестистенки, и княжеский дворец представлял собой единое здание, состоявшее из покоевых помещений по двум сторонам сеней, занимавших середину этого здания» (Воронин 1961: 219-220). В общем, такая структура вызывает некоторые возражения: доминантой дворцового комплекса являлись гридница или терем, но не собственно сени. Однако необходимо сделать важную оговорку: семантика слова «сени» очень ёмкая, и поэтому могла применяться как к отдельному зданию на опорных столбах, так и к помещению на втором этаже (терема или лестничной башни) (Подобедова 1969:166).

Любопытные сведения о сенях мы получаем из одной из скандинавских саг («Сага о Магнусе»): в ней говорится, что великий князь Ярослав хвалился перед Ингигерд великолепием своей вновь выстроенной залы, на что супруга возразила, что зала у Олава Харальдсона еще лучше, хоть и стоит на одной колонне (Рыдзевская 1978: 46). Датируется это сообщение 1018-1019 гг. Мы видим, что обычай сооружать парадные помещения на опорных столбах был распространен не только на Руси. Это подтверждают и изображения вышивок известного ковра из Байо, где пирующие изображены в сооружении, высоко поднятом на столбах, с ведущей вверх лестницей и шатровой высокой крышей, покрытой чешуйчатой кровлей (Спегальский 1972: 262). Хотя необходимо помнить, что сообщения многих саг о реальной действительности весьма приукрашены, и принимать их буквально нельзя².

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить: под сенями в X-XII вв. на Руси понимали достаточно просторное (но гораздо меньше гридницы) помещение парадного характера, светлое, не отапливаемое, поднятое на столбах высоко над землей, с богатейшими внутренними покоем, соединенное переходами с другими частями княжеской резиденции. Иногда под сенями подразумевали второй этаж терема или лестничной башни.

Археологически выявить такие постройки крайне сложно. На сегодняшний день мы можем (если принять точку зрения Н.Н. Воронина) сопоставить с сенями лишь второй этаж лестничной башни в Боголюбове. В то же время наличие сеней практически во всех княжеских дворцах сомнений не вызывает. Таким образом, единственный наш источник представления о сенях в ансамбле резиденций князей — летописные известия.

Как мы видим, и терем, и гридница, и сени — помещения парадного (или светского) характера. На этом основании их можно объединить в первую группу построек, составляющих княжескую резиденцию. Все они могли быть как каменными, так и деревянными — определя-

ющими являлись функции и внешний вид; для них характерна доминирующая роль в ансамбле, богатое убранство, впечатляющий внешний облик и отсутствие отопления. Собственно жилыми они не являлись.

В своей работе, посвященной древнему Киеву, М.К.Каргер писал: «... на княжеских дворах, кроме парадных приемных помещений были и жилые хоромы» (Каргер 1959: 242). Рассмотрим, где же мы встречаемся с термином «хоромы»:

— в 1016 г., когда князь Ярослав с войском новгородцев пришел к Днепру, где они три месяца стояли против войск Святополка, то воеводы Святополка «укоряли» новгородцев: «Что придосте с хоромьцем сим, а вы плотницы суще? А приставили вы хоромовъ рубити кахихъ» (Лавр. лет.: 1016 г.);

— в рассказе о наводнении 1129 г. упоминается «хором», который был спасен половодьем (Ипат. лет.: 1129 г.);

— в описании пожара во дворце Владимиро-Суздальской земли: «Тое же зимы, месяца генваря в пятый день, в канун Богоявления сгорели хоромы княжи и церкви две» (Ипат. лет.: 1128 г.).

— в рассказе о загородной усадьбе князя Мстислава около города Луцка: «... место же то красно виденьем и устроено различными хоромы, церкви же бяше в немъ предивна, красотою сияющи, тем же угодно бысть князю пребывать в немъ» (Ипат. лет.: 1189 г.).

О размере княжеских хором можно судить по свидетельству летописи о торжестве, которое в 1189 г. князь Рюрик Ростиславич устроил в Белгороде на свадьбе своего сына: «Створил велими сильну свадьбу, аки же несть бывала на Руси; была на свадьбе князи многа, за 20 князей». Как справедливо отметил М.К.Каргер, чтобы пригласить столько гостей, разумеется, надо иметь огромные хоромы (Каргер 1961: 85).

Важные сведения о хороме имеются в одной из статей древнейшей «Русской правды», а также в двух списках «Пространной правды» (нач. XII в.). Статья «Русской правды» начинается словами: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежать в хором». В «Пространной правде» есть статья, трактующая о том случае, когда хозяин разыщет своего холопа в чьем-либо городе или в «хороме». Что это за «хором», где может найти убежище холоп; «хоромы», которые сопоставляются с «градом»? Б.Д.Греков считает, что «хоромы — укрепленное место, поменьше города, принадлежащие определенному владельцу». «Может быть, — продолжает свою мысль исследователь, — некоторые хоромы — укрепленные места находились в черте самого города. «Мужи» древнейшей «Правды» — это владельцы хором, где живут они сами, окруженные челядью, обязанной их кормить, одевать, обувать, а в случае необходимости — защищать. Что это, как не двор средневе-

² Благодарю за консультацию д.и.н. Т.Н.Джаксон

кового рыцаря, живущего в своем фамильном гнезде — замке?» (Греков 1954: 41-42).

Как мы видим, хоромы — это комплекс жилых построек, находящихся на княжеском дворе. Само слово «хоромы», видимо, связано с первоначальной округлостью их плана, расположения по радиусу резиденции — от древнерусского «хоро», «поло» — круг (Рыбаков 1985: 94). М.К. Каргер называл княжескими и боярскими хоромами «сооружения, состоящие из нескольких клетей, соединенные между собой переходами» (Каргер 1961: 85). Ю.П. Спегальский реконструировал хоромы как единый, довольно сжатый комплекс построек, состоящий из разных частей, расположенных на разной высоте, с галереями разного устройства и разной фактурой стен (Спегальский 1972: 262; рис.19). Таким образом хоромы в таком случае — комплекс деревянных жилых построек. Хотя не исключено, что в княжеских дворах какие-то части «хором» могли быть построены из камня. Возможно, остатки таких каменных хором Константина Всеволодовича были открыты в Ростове Великом (Попов 1998:201-203).

Какие же постройки входили в состав хором? Это «клетки» (1015 г.), «полати» (1156 г.), «ложница» (1174 г.), «покоище» (1097 г.), «плотница» (1175 г.), «истопка» / «исдобка» (945, 1095, 1097, 1102 гг.), «поруб» (1036, 1067 гг.), «повалуша» (1178 г.).

«Клеть» упоминается летописью в 1015 г., в связи с кончиной князя Владимира: ночью его тело «межи клетми проиравше полост» завернули в ковер и опустили на землю. Происходило это в Берестовском дворце (Лавр. лет.: 1015 г.). Как мы видим, клеть входила непосредственно в

состав резиденции. Само слово «клеть» является собственно древнерусским (от древнего глагольного корня *kleu* — «сжимать», «теснить»; отсюда «клетка») (Колесов 1986: 202). Существовали клетки и в составе боярских усадеб (Засурцев 1967: 113). Наиболее вероятно, что клеть — это срубная постройка квадратной или прямоугольной формы. Служила она летней спальней или помещением для хозяйственных нужд. В некоторых случаях при переводах могла быть синонимом «ложнице» (Колесов 1986: 203).

Собственно «ложница», как и «покоище», «плотица» — обозначали спальню князя. Именно в «ложнице» спал князь Андрей (1174 г.), где произошла его первая встреча с убийцами. Видимо, «ложница» находилась в основном объеме дворца, и поэтому археологически локализовать их не представляется возможным. Что же касается локализации «клетей», то хотя на княжеских дворцах их почти не обнаружено (за редким исключением, например, Любеч, Полоцк, Вщиж), представляется вполне корректным использовать в качестве аналогий для княжеских «клетей» постройки боярских усадеб Новгорода, достаточно полно исследованных и реконструированных (П.И.Засурцев, Г.В.Борисевич, В.П.Тюрин, Г.П.Чистяков, Ю.П.Спегальский). Чисто конструктивно они мало чем отличались от княжеских построек (разве что размеры их могли быть большими). Это подтверждают и постройки, открытые в Любече и Полоцке (Рыбаков 1964: 22; Раппопорт, Шолохова 1981: 92). Очевидно также, что функции клетей могли быть очень разнообразны — как непосредственно жилье, так и хозяйственные. Наличие подобного рода построек в составе любой кня-

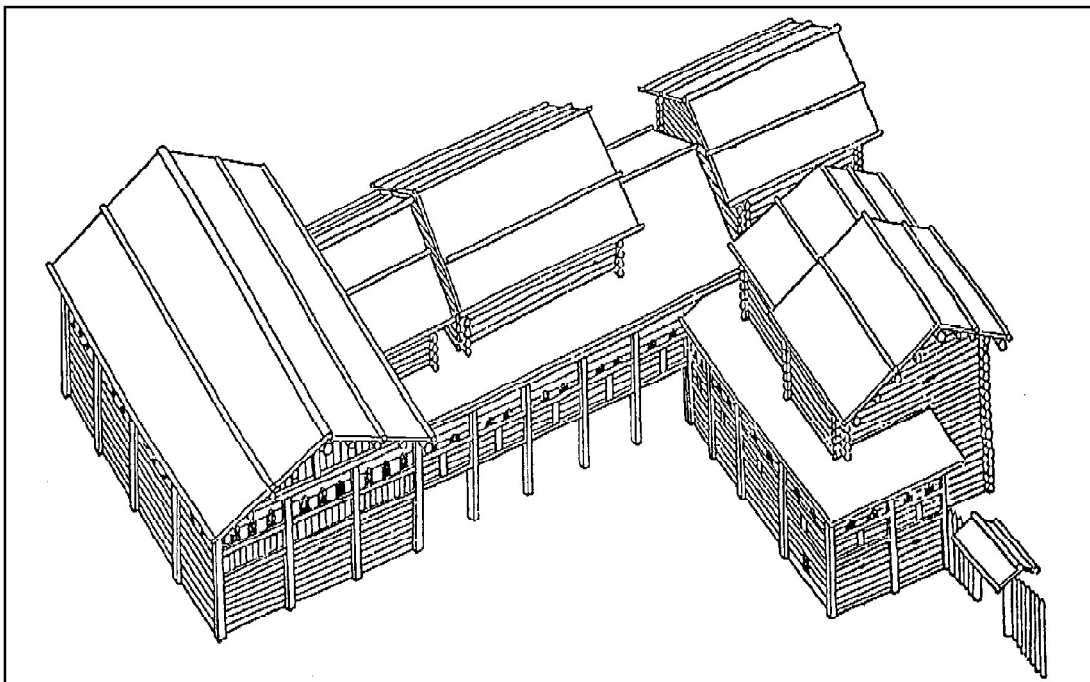

Рис. 19. «Хоромы» в ярусе 23. Новгород. (Реконструкция Ю.П.Спегальского)

жеской резиденции сомнению не подлежит.

В составе хором, несомненно, находились и **полати**. В описании «Летописью» постройки Андреем Боголюбским своей резиденции говорится «и град заложил в Боголюбове» (Ипат. лет.: 1158 г.). Более подробно об этом событии говорит «Краткий Владимирский летописец»: «и потом приде от Киева Андрей Юрьевич и сътвори Боголюбный град испом осыпа, и постави две церкви каменны и ворота каменны, и полати» (Вл. летописец: 1156 г.). В данном контексте «полати» трактуется как непосредственно дворец князя, т.е. постройка, конструктивно связанная с церковью и воротами.

В 1174 г., после убийства князя киевлянин Кузьмище, причитая над телом убитого князя, вспоминал: «... бывало когда и гость приходеж из Цесарягорода и от иных стран из Русской земли, и аче Латинини и до всего хрестьянства и до всея погани и рече (князь Андрей): “Введете и в церковь и на полати да видять истинное хрестьянство и крестятеся”» («Повесть об убийении Андрея Боголюбского»: 323). В этом контексте под «полатями» следует понимать хоры дворцового собора (Воронин 1961: 228).

Как в случае с «теремом» мы наблюдали перенос термина из дворцовой архитектуры в церковную. Видимо, это связано с функциональной связью этих помещений: они означали покои на уровне второго этажа в составе княжеской резиденции. «Наиболее вероятно, как считал И.Е.Забелин, что «полати» — это внутренние покои дворца, располагавшиеся на втором этаже. Причем они могли быть как непосредственно жилыми в составе хором, так и светскими в составе дворцового храма (Забелин 1990: 97). Позже, когда роскошные дворцы с «хоромами» и «полатями» исчезли, исчез и сам термин «полати», а в церковной архитектуре утвердился термин «хоры». Под «полатями» же в первую очередь современные исследователи понимали «каменные помещения княжеского дворца» (Воронин 1961: 235). По своему происхождению же наиболее вероятно заимствование термина «полати» от греческого *palatium* — дворец (Колесов 1986: 207). Былины же в данном случае не дают информации для сопоставлений, т.к. в них постоянно происходит смешение терминов «гридня», «палата белокаменная», «хоромы», «дворец» — под всеми ними подразумевается одно и то же роскошное помещение на княжьем дворе (Липец 1969: 157).

«**Истопка**» упомянута в «Летописи» в разных контекстах — как баня или отапливаемая изба:

— в 945 г. Ольга заперла в «истобке» древлянских посланцев [велев им «измывшеся придите ко мне»], а затем сожгла их (Ипат. лет.: 945 г.);

— в 1095 г., при убийстве половецкого князя Итларя люди боярина Славяты «възлеше на истобку, прокопаша верх» и перебили всех половцев из луков (Ипат. лет.: 1095 г.);

— в 1097 г. в «ыстобце» на княжьем дворе в Киеве ведут беседу князь Святополк и прибывший к нему Василько Ростиславич (Лавр. лет.: 1097 г.);

— в 1102 г. при приеме князем Владимиром новгородского князя Мстислава «сели съвещаться в истобке» (Ипат. лет.: 1102 г.).

Как видно из контекста сообщений, под «истопкой» подразумевали отапливаемое помещение — теплую избу или баню (Каргер 1961: 85). Разумеется, такие постройки были необходимы для жизни — в условиях суровой русской зимы жить в каменных неотапливаемых помещениях было практически невозможно. Таким образом можно сделать вывод: «истобка» («издобка») была обязательной принадлежностью княжеской резиденции. К сожалению, археологических материалов, связываемых на княжеских дворах с такими постройками, нет. Но, как и в случае с «клетью», им сложно найти аналогии в древнерусских городах (Новгород, Рязань, Киев и др.). Однако необходимо сделать одну оговорку (в связи с интерпретацией «истопки» как бани): один раз в «Летописи» упоминается строение банное, под 1089 (1090) г. сообщается:

«В се же лето священа бысть церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом тоя церкви, юже бе создал велику сую, бе бо пряже в Переяславле митрополю, и пристроил ю великую, украсив ю всякою красою, церковными сосудами. Сий бо Ефрем скопец, высок телом. Бе бо тогда много зданья въздвиже: докончив церковь святого Михаила, заложил церковь на воротех гродных во имя святого мученика Федора, и по семь святого Андрея у церкви отворот, и строенье банное нашено, сего же не бысть преже в Руси» (Ипат. лет., 1090 г.). По поводу этого загадочного строения существует целая литература (Асеев, Сикорский, Юра 1967: 199). Наиболее вероятно, что оно отождествляется с двухкамерной постройкой, исследованной в Переяславле Хмельницком в 1962 г.

О чрезвычайно богатом убранстве помещения говорит и археологический материал: были обнаружены инкрустированные мозаикой шиферные полы, многочисленные обломки мраморных деталей: полок, плит, карнизов; фрагменты инкрустации их различных пород цветного мрамора; поливные керамические плитки; т.н. «флорентийская мозаика» из восьмиугольных и квадратных кубиков брекчевидных мраморных известняков, многочисленные кубики смальты от настенных мозаик, а также целая капитель из проконесского мрамора. В подтверждение «банного» назначения постройки говорят находки 5 обломков керамических водопроводных труб, а также полное отсутствие фресковой росписи. Хотя сами авторы раскопок весьма осторожно подходили к интерпретации исследованного комплекса как «строения банного»: «Какое отношение имеет

наша постройка к летописному строению, — считали они, — неизвестно, т.к. данных о всем комплексе Епископского дворца еще очень мало» (Асеев, Сикорский, Юра 1967: 214). Однако П.А.Раппопорт убедительно показал, что «это остатки бани, строительство которой отмечено в летописи под 1089 г.» (Раппопорт 1982: 35). Известно, что в Вагаршападе у церкви Звартонц, построенной в 625 г. католиком Нерсесом Строителем, находился епископский дворец, в составе которого была и богато украшенная баня (Раппопорт 1982: 36). Таким образом отождествление постройки в Переяславле Хмельницком с летописным «строением баннным» сомнений практически не вызывает.

Похояжая по назначению постройка была открыта в Киеве, на территории Софийского заповедника. Первоначально М.К.Каргер интерпретировал ее как печь (Каргер 1959: 458-461), однако позже В.А.Богусевич убедительно доказал, что данное сооружение — не печь, а баня (Богусевич 1961: 105-106; Раппопорт 1982: 14). Летописных соответствий у нее нет, но ясно, что это баня, как и переяславская, входила в комплекс митрополичьего двора. Однако таких каменных бань на Руси было немного — видимо, лишь единицы. Они являлись исключением, а не правилом. Деревянные же бани носили, а не правилом. Деревянные же бани носили, а не правилом. Деревянные же бани носили, а не правилом.

В составе резиденции князя существовали и темницы — «порубы». В него в 1036 г. Ярослав «всадил» своего брата Судислава в Пскове; в «порубе» на Брячиславле дворе в Киеве в 1067 г. сидел полоцкий князь Всеслав (Лавр. лет.: 1036, 1067 гг.). Наиболее вероятно, что «порубы» представляли собой темные небольшие помещения типа погреба с массивными дверьми и минимумом внутреннего убранства. Археологического соответствия таким постройкам не существует. Скорее всего они были из дерева и чисто археологически мало чем отличались от разнообразных «клетей» и других хозяйственных построек. Однако, как мы видим, в состав княжеской резиденции входили и тюрьмы — «порубы», позже их функции наследовали «гридницы».

В составе древних хором существовали и «повалуши» — по М.К.Каргеру, холодные горницы, иногда богато расписанные (Каргер 1961: 85). Об этом свидетельствует описание роскошных хором в «Слове о богатом и убогом», сохранившемся в рукописном сборнике XII в. библиотеки Троице-Сергиевской лавры. Обращаясь к богатому владельцу хором, автор поучения говорил: «Ты же жив дому, повалуше испысав, а убогий не пмать негде главы подъяложить» (Срезневский 1863: 993.) Часто как горницы они упоминаются и в былинах (Липец 1969: 165-180). Именно повалушей является постройка в Новогрудке, богато украшенная фресковой росписью (Гуревич 1964: 98). Возможно, остатки постройки подобного типа существовали и в Киеве, на усадьбе Петровского (Каргер 1959:

462), где так же в остатках деревянной постройки были обнаружены остатки фресковой росписи. Разумеется, «исписываться» повалуши могли не только фресками, но и более простыми рисунками. Не исключено, что они существовали и в Новгороде, Любече, Рязани и других городах.

Как мы видим, жилые постройки, входившие в состав хором, были довольно разнообразны: это и отапливаемые избы, и холодные горницы — «повалуши», и небольшие спальни — «ложницы», и полифункциональные «клетки», и бани — «истопки», и роскошные «полати», и тюрьмы — «порубы». Всех их можно объединить во вторую группу построек, входящих в состав княжеской резиденции.

Однако, как считает В.Ф.Ржига, тщательно изучивший письменные источники о древнерусских дворцах, «все летописные свидетельства древнейшего времени, взятые вместе, не дают цельной картины княжеского дворца киевской эпохи» (Ржига 1929: 15). Для более точного определения состава построек следует обратиться к описанию «княжеских дворов»:

— в 1096 г. половцы сожгли двор Всеволода Ярославича: «Тогда же зажгаша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемом Выдобичи, то все окоянии половци запалиша огнем» (Лавр. лет.: 1096 г.);

— в 1146 г. в «Летописи» читаем рассказ о двух княжеских дворах Ольговичей, разгромленных Изяславом Мстиславичем: «Идоста на Игореве сельце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизны много; в бретьяницах и в погребях вина и медове, и что тяжкого товару всякого до железа и до меди, и тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы, себе и воем, и потом повелеста затечи двор и церковь святого Георгия, и гумно его, в нем же бе стогов девятьсот» (Ипат. лет.: 1146 г.). В том же году вслед за взятием Путивля подвергся разгрому большой двор князя Святослава Ольговича. По сведениям летописца, «и ту двор Святославль раздели на 4 части, и котнице, и в погребех было 5000 берковськов меду, а вина 80 корчаг, и церковь святого Георгия всю облупиша» (Ипат. лет.: 1146 г.).

Во многих упоминаниях (1068, 1147, 1149, 1158, 1174 г. и др.) именно «княжеский двор» является местом грабежа, из чего можно сделать вывод о его богатстве.

А вот как характеризует «феодальный замок» и вотчину XI в. Б.Д.Греков на основе анализа древнейшей «Правды»: «... В “Правде” Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской.

Центром этой вотчины является «княж двор», где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные пост-

ройки — конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя — боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, и, в частности, сохранность вотчинного имущества. При нем, по-видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений — «подвездной княж». Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т.е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Дальше следуют княжеские старосты — «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Таким образом мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды Ярославичей». Тут называются клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Тут имеются кони княжеские и смерды (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским хозяйством мы видим также борти, которые так и названы «княжими», а «в княже борте 3 гривни, либо пожгуть, либо изудреть».

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это рядовичи, смерды и холопы. Их жизнь расценивается в пять гривен.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом говорит наличие в вотчине охотничьих псов и обученных для охоты ястребов и соколов...

Первое впечатление от «Правды Ярославичей», как, впрочем, и от «Пространной Правды», получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы; владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают крупного собственника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его

землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.» (Греков 1949: 140-143).

Как видно из всего вышеизложенного, на территории княжеского двора существовал целый ряд разнообразных хозяйственных построек. Это: «медуша» (997, 1174 гг.) «медьвеница» (1175 г.), «бретьяница» (1146 г.), «бражница» (1239 г.), «скотница» (996 г.), «житница» (1168 г.), «погреб» (1136 г.).

«Медуша» — погреб для хранения вареного меда в Игореве сельце — заставляет вспомнить более ранний летописный рассказ о белгородском киселе: «... и повеле искати меду, они же подше взяша меду лукно бе бо погребенов княже медуши» (Лавр. лет.: 997 г.). «Медуша» упомянута и в летописном повествовании об убийстве Андрея Боголюбского — убийцы «шедше в медушу и пиша вино» (Ипат. лет.: 1174 г.). Видимо, «медуша» близка по значению к «медьвенице», «бражнице» — хозяйственные помещения для хранения меда и различных вин.

Слово «бретьяница» И.Е.Забелин считает названием погреба с бортевым медом (Забелин 1990: 64-65). И.И.Срезневский полагал, что оно обозначает вообще погреб или кладовую (Срезневский 1912: 178).

На дворе Святослава Ольговича упомянуты, кроме бретьяницы, еще и «скотница». По объяснению И.И.Срезневского, так называлось казнохранилище (Срезневский 1912: 179), И.Е.Забелин — кладовая со всякой казной (Забелин 1990: 179). О существовании «скотницы» уже в древнейшее время на дворе киевских князей известно из летописного рассказа о широком гостеприимстве князя Владимира Святославича: «Повеле выску нищу у убогу призодити на двор къянж и възимати всяку потребу, житие и ядоше, и от скотъниц купами» (Лавр. лет.: 996 г.).

Нельзя не обратить внимание на изобилие разнообразных запасов, в том числе и «тяжкого товару всякого, до железа и меди», хранившихся на княжьем дворе. Видимо, все эти товары находились в разнообразных «погребах» и «клетях» в зависимости от своего характера. Помимо всего этого, существовал и целый ряд других построек: княжеская конюшня, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр. Разумеется, все эти постройки находились не на переднем плане, а несколько обособленно.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что «княж двор» был достаточно обширен. Несмотря на то, что на дворе находились разнообразные постройки, оставалась еще просторная площадь, на которой толпился народ, вершился княжеский суд (на что указывает «Русская Правда»), и даже устраивались конские ристалища (Каргер 1961: 279).

Таким образом, можно выделить третью группу построек княжеского двора — хозяйственные. Археологических соответствий у них нет, но

общий их характер легко установить по аналогиям, обнаруженным в различных древнерусских городах (многочисленные хозяйственные ямы в самых разнообразных частях Киева, Новгорода, Пскова, Чернигова и др.). Все они были приспособлены для определенных целей, в соответствии с местными традициями.

Четвертую группу построек, несколько условно, можно назвать военно-оборонительными. К ним в первую очередь относятся Волынские башни, а также некоторые постройки, возведенные в «градах-замках» (Вщиж, Любеч). Не исключено, что подобного рода постройки входили и в состав загородных резиденций — Боголюбово, Кидекша, Рюриково городище. Такого рода постройки представляли из себя башни из камня или дерева, нередко, соединявшиеся со стенами или самим дворцом разнообразными переходами.

Возможно, с некоторыми из них можно соотносить термин «вежа». Хотя, как отмечал, А.А.Шенников, в русской письменности до XIV в. слово «вежа» имело несколько значений. Так назывались поселения и жилые постройки у степных полукочевников — половцев, татар. В XIII в. так названа оборонительная башня в городе Холм. Иногда вежами назывались крепостные башни за пределами Руси. В X в. так называли башни в Искоростене, несколько раз они упомянуты как хозяйственные сооружения в монастырях и усадьбах, а летом 1228 г. финны-емь после неудачного нападения на Русь «попрятались в лесе ли, или на ниве, или в вежах» (Ипат. лет.: 1228 г.; Шенников 1974: 73; Срезневский 1860: 78). Б.А.Рыбаков считает, что «вежа» обозначает прежде всего дозорную башню (Рыбаков 1953: 81). Возникнув как оборонительные сооружения городища родовой общины, вежа как уже сложившийся тип крепостной башни органично вошла в состав княжеских и боярских хором (Борисевич 1982: 281). Наиболее яркое описание вежи содержится в Ипатьевской летописи: в 1259 г. в замке Холм Даниилом Галицким «вежа же среде града высока якоже бити с нея окрест града. Создана камнем в высоту 58 локот, создана же сама древом тесаным, и убелена, яко сыр, светящися на все стороны» (Ипат. летопись, 1259 г.).

В понятии XI-XII вв. «градами» называли не только города, но и небольшую укрепленную усадьбу, которая часто имела боевую башню — «вежу». Такая «башня-вежа» была реконструирована Б.А.Рыбаковым в Любече (Рыбаков 1964: 22-23). Позже, вежа как «храмина» на Обо-нежской половине хором упомянута в «Сказании о Борисе и Глебе». Таким образом, жилище и двор, дополненные вежей, получив новые оборонительные функции, стали «основой личной безопасности и независимости его владельца» (Воронин 1958: 18-19).

Такое разнообразное употребление термина «вежа» говорит о том, что он относился к

объектам, сходным не по конструкции; возможно, постройки, которые были увенчаны «связанным шалашом» (Шенников 1974: 74).

Г.В.Борисевич сопоставляет с вежами легендарные дворы Искоростеня (Борисевич 1982: 281-281). Исследователь считает, что как архитектурный тип вежа сложилась на боярском дворе еще до X в., а затем получила широкое распространение. Более того, по мнению Г.В.Борисевич, «бесспорно генетическое и функциональное родство терема в хоромах с башней при соборе, называемой вежей, теремом, столпом с сенями просто и сенями со столпом восточным» (Борисевич 1982: 282). Такое смешение разных типов построек представляется неправомерным. Хотя нельзя отрицать, что все башнеобразные здания были очень похожи, и в более позднее время часто «смешивались» (например, в былинах — Липец 1959: 172).

Таким образом военно-оборонительные сооружения башнеобразного типа («вежи», «донжоны», «башни», «столбы (столпы)», входящие в структуру стен, защищающих княжескую резиденцию, и часто связанные переходами непосредственно с дворцом, составляют, на мой взгляд, отдельную группу построек. Однако конструктивные решения были различны в зависимости от региональных условий. Например, по сведениям П.А.Раппопорта, у башни в Каменец-Литовске (по документу 1742 г.) рядом находился дворец Владимира Васильевича (Раппопорт 1952: 42-43). Вся территория юга была подвержена нападениям кочевников и поэтому такие «боевые» башни были просто необходимы и, разумеется, входили в состав княжеских замков. На Севере же чисто функциональный аспект был не столь важен, и башни могли использоваться и как хозяйственные сооружения, и как нарядные светские постройки.

И, наконец, пятую группу построек княжеской резиденции составляли дворцовые храмы. Из них следует в первую очередь назвать Десятинную церковь в Киеве (989-996 гг.), ц. Бориса и Глеба в Ростове (1214-1218 гг.), Дмитриевский собор во Владимире (11891-1193 гг.), ц. Рождества Богородицы в ансамбле дворца Боголюбово (1158-1166 гг.), ц. Бориса и Глеба в Кидекше (1152 г.), ц. Благовещения на Рюриковом городище (1103 г.), Никольский собор на Ярославовом дворище в Новгороде (1113 г.), Успенский собор в Ярославле (1215 г.), Преображенский собор в Переяславле-Залесском (1152 г.), ц. Петра и Павла в Смоленске (середина XII в.) и др. (даты даны по: П.А.Раппопорт 1982). Разумеется, существовали и другие дворцовые храмы. Однако их рассмотрение является темой другой работы, т.к. они сооружались в рамках определенных архитектурных школ со своими особенностями и по своим законам (см. работы М.К.Каргера, Н.Н.Воронина, П.А.Раппопорта). Для нас наиболее важно, что локали-

зация «княжих дворов», а во многих случаях и расположения самого дворца, возможна именно благодаря наличию храма, так как «Летопись» тщательно сообщала об обстоятельствах, месте и дате его закладки. Немаловажно, что церковь должна была составлять единый ансамбль с дворцом, и сохранившиеся церкви позволяют нам судить о его структуре. Так О.М. Иоаннисян, рассматривая дворцовую церковь в Галиче, установил, что дворец состоял из трех основных объемов: жилой половины, храма и лестничной башни. А такая структура предполагает единственную возможность композиции комплекса в целом: все составляющие должны были находиться на одной оси, которая проходила бы через западное членение храма, где располагались хоры (Иоаннисян 1982: 12).

Как мы видим, церкви составляли важнейшую часть княжеской резиденции, и выделение их в отдельную группу абсолютно правомерно.

Интересно еще одно обстоятельство: как мы видим, собственно в «Летописях» нет термина «дворец» (Попов 1997: 144). Однако термин «дворцовый комплекс» и «дворцовый ансамбль» часто применяются исследователями. Вот что говорит нам «Архитектурный словарь — глоссарий» (Плужников 1995: 53).

«Дворец — это:

— монументальное представительное здание, принадлежащее лицу из высших слоев общества и предназначенное, в частности, для торжественных приемов;

— крупное общественное здание, функция которого выражена в названии (например, Дворец Правосудия);

— путевой дворец;

— задний двор крестьянской усадьбы, предназначенный для скота;

— хутор, обособленная усадьба;

— земледельческое или скотоводческое хозяйство монастыря; (Плужников 1995: 28).

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А. 1967. Памятник гражданского зодчества в Переяславле Хмельницком // СА, № 1.
- Богусевич В.А. 1961. Спорда у двері кипського митрополита // Археологія, т. 13, Киев.
- Богусевич В.А., Холостенко Н.В. 1952. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. // КСИАУ, вып. 1.
- Борисевич Г.В. 1982. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник, М.
- Воронин Н.Н. 1958. Зодчество северо-восточной Руси. Т. I, М.
- Воронин Н.Н. 1961. Зодчество северо-восточной Руси. Т. II, М.
- Гаркави А.Я., 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. Р.Х.), СПб.
- Глазырина Г.В., 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. М.
- Греков Б.Д. 1949. Киевская Русь. М.
- Гуревич Ф.Д. 1964. Дом боярина XII в. в древнерус-

О.Н.Мораховская, рассмотрев историю названий усадебных участков, отмечает: «дворец может в некоторых говорах выступать в значении «двор», «небольшой двор», а также в значении «дом» (Мораховская 1995: 92-93).

Как мы видим, термин «дворец» очень неоднозначный. В контексте данной статьи наиболее вероятно определения «дворца»/«дворцового комплекса» как всего комплекса княжеского двора, близкого по значению «хоромам» или «палатам». Вся же территория, занимаемая «дворцовым ансамблем», наиболее точно сопоставима с термином «княж двор».

А в заключение мне хотелось бы привести слова замечательного историка, исследователя русских древностей, И.Е.Забелина:

«Общая характерная черта в устройстве древнего княжеского двора, как и всех других богатых и достаточных дворцов того времени, заключалась в том, что хоромы, избы, клети ставились хотя и по две, и по три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких отдельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусе всех построек. Некоторые из древнейших княжеских дворов по красоте своей, а может быть и по красивому местоположению, назывались красными» (Забелин 1990: 59). На мой взгляд, это описание удивительно точно отобразило понимание И.Е.Забелиным всей структуры княжеской древнерусской резиденции X — начала XIII вв.

- ском Новогрудке. // КСИА, № 99, М.
- Забелин И.Е. 1990. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец М.
- Засурцев П.И. 1967. Новгород, открытый археологами. М.
- Ильинский Г. 1909. Заимствовано ли название «терема» в славянских языках? // Харьковское историко-филологическое общество, т. XVIII, Харьков.
- Иностранцев К.А. 1915. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // ЗОРСА, т. IX.
- Иоаннисян О.М. 1982. Галицкое зодчество XII — первой половины XIII вв. Автореферат дисс. ...кандидата исторических наук. Л.
- Иоаннисян О.М. 1994. Храмы-ротонды в Древней Руси. // Иерусалим в русской культуре. М. с. 100-148.
- Каргер М.К. 1959. Древний Киев, т. 1. М.-Л.
- Каргер М.К. 1961. Древний Киев, т. 2. М.-Л.
- Колесов А.В. 1986. Мир человека в слове о Древ-

- ней Руси. М.
- Колчин Б.А. 1971. Новгородское резное дерево. САИ Е1-55. М.
- Липец Р.С. 1969. Эпос и Древняя Русь. М.
- Мораховская О.Н. 1996. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М.
- Плужников С.А. 1995. Архитектурный словарь-гlossарий. М.
- Полонский Н.Д. 1911. Археологическая раскопки В.В.Хвойко 1909-1910 годов в м. Белгородъ // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Т. 1 М.
- Потапов А.А. 1902. Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности ТМАО, вып. 1, т.ХІХ.
- Попов И.О. 1997. Дворцовые комплексы Древней Руси X — начала XIII вв.: взаимодействие художественных и строительных традиций // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской, СПб.
- Попов И.О., 1998. Княжеский двор в древнем Ростове // Поселения: среда, социум, культура. СПб.
- Подобедова О.И. 1961. Миниатюры русских исторических летописей. Автореферат ... докт. ист. наук. М.
- ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись. Л. 1962.
- ПСРЛ, т. 2. Ипатьевская летопись, М. 1964.
- Рабинович М.Г. 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М. 2.
- Раппопорт П.А. 1952. Волыньские башни. // МИА, № 31, М.
- Раппопорт П.А. 1975. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32.
- Раппопорт П.А. 1982 Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. САИ, вып. Е1-47, М.
- Раппопорт П.А., Шолохова Е.В. 1981. Дворец в Полоцке // КСИА, № 164. М.
- Ржига В.Ф. 1929. Очерки по истории быта домонгольской Руси. // РГИМ, вып. 5, М.
- Рыбаков Б.А. 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.
- Рыбаков Б.А. 1964. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей. // КСИА, № 99. М.
- Рыдзевская Е.В., 1978. Древняя Русь и Скандинавы в IX-XIV вв.: материалы и исследования. М.
- Спегальский Ю.П. 1972. Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв. Л.
- Срезневский Ю.П. 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3, СПб.
- Холостенко Н.В. 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // АН, № 15. М.
- Шамбинаго С.К. 1900. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского этноса) // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его учениками и почитателями. М.
- Шенников А.А. 1974. О значении термина «вежа» // Культура средневековой Руси. М.